

«Если есть на свете страна, которая была бы для других, отдаленных или сопредельных с нею стран более неизвестною, неисследованною, более всех других стран непонятою и непонятною, то эта страна есть, бесспорно, Россия для западных соседей своих».

«Никакой Китай, никакая Япония не могут быть покрыты такой тайной для европейской пытливости, как Россия, прежде, в настоящую минуту и даже, может быть, еще очень долго в будущем...»

«...Россия же вся открыта перед Европою, русские держат себя совершенно нараспашку перед европейцами...»

«Для Европы Россия — одна из загадок Сфинкса...»

«Да, мы веруем, что русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества. Характер русского народа до того не похож на характеры всех современных европейских народов, что европейцы до сих пор не понимают его и понимают в нем всё обратно...»

«В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во всё вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы <...>У него инстинкт общечеловечности».

«...В русском человеке видна самая полная способность самой здоровой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствие всякого самовозвышения, вредящего свободе действия. Разумеется, мы говорим про русского человека вообще, собирательно, в смысле всей нации».

«И страшно, до какой степени свободен духом человек русский, до какой степени сильна его воля! Никогда никто не отрывался так от родной почвы, как приходилось иногда ему, и не поворачивал так круто в другую сторону, вслед за своим убеждением!»

«Столкновение страшное новых людей и новых требований со старым порядком. Я уже не говорю про одушевление их идеями: вольнодумцев много, а русских людей нет. Главное, самосознание в себе русского человека — вот что надо...»

Цит. из «Ряда статей о русской литературе» Ф.М. Достоевского, 1861 г.

* * *

«Да их [*прим. — иностранцев*] жизнь так устроилась! А мы в это время великую нацию составляли, Азию навеки остановили, перенесли бесконечность страданий, сумели перенести, не потеряли русской мысли, которая мир обновит, а укрепили ее, наконец, немцев перенесли, и все-таки наш народ безмерно выше, благороднее, честнее, наивнее, способнее и полон другой, высочайшей христианской мысли, которую и не понимает Европа с ее дохлым католицизмом и глупо противуречающим себе самому лютеранством. Но нечего об этом! А то, что так тяжело по России, такая тоска по родине, что решительно чувствую себя несчастным!...»

«Так и рвусь в Россию. ...Присяжные наши — лучше невозможно. Но что касается судей, то можно пожелать несколько поболее образования и практики. И знаете чего еще: нравственных начал. Без этого основания ничего не устроится. Но слава богу, идет еще хорошо...»

«Наши соотечественники во множестве едут за границу; там они воспитывают детей и прилагают все старания, чтобы заставить их забыть русский язык. Есть такие, которые живут здесь подолгу, например Тургенев. Он мне напрямик заявил, что не хочет больше быть русским, что хотел бы забыть, что он русский, что он себя считает немцем и гордится этим. Я его с этим поздравил и расстался с ним...»

«И как можно выживать жизнь за границей? Без родины — страдание, ей-Богу! Ехать хоть на полгода, хоть на год — хорошо. Но ехать так, как я, не зная и не ведая, когда ворочусь, очень дурно и тяжело. От идеи тяжело. А мне Россия нужна, для моего писания и труда нужна (не говорю уже об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься...»

«...нравственная сущность нашего судьи и, главное, нашего присяжного — выше европейской бесконечно: на преступника смотрят христиански».

«...наша сущность, в этом отношении, бесконечно выше европейской. И вообще, все понятия нравственные и цели русских — выше европейского мира. У нас больше непосредственной и благородной веры в добро как в христианство, а не как в буржуазное разрешение задачи о комфорте».

«Всему миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с Православием, Вы правы), и это совершится в какое-нибудь столетие — вот моя страстная вера. Но чтоб это великое дело совершилось, надобно чтоб политическое право и первенство великорусского племени над всем славянским миром совершилось окончательно и уже бесспорно...»

«Через три месяца — два года как мы за границей. По-моему, это хуже, чем ссылка в Сибирь. Я говорю серьезно и без преувеличения. Я не понимаю русских за границей. Если здесь есть такое солнце и небо и такие — действительно уж

чудеса искусства, неслыханного и невообразимого, буквально говоря, как здесь во Флоренции, то в Сибири, когда я вышел из каторги, были другие преимущества, которых здесь нет, а главное — русские и родина, без чего я жить не могу. Когда-нибудь, может быть, испытаете сами и узнаете, что я не преувеличиваю для красного словца...»

«Дай только Бог России не вступиться ни во что европейское, благо у нас своего дела довольно... (о войнах и конфликтах в Европе)»

Цитаты из писем.

* * *

«И может быть, главнейшее и предызбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтобы сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придёт время, явить этот образ миру, потерявшему пути свои».

«Он (*старец Зосима, — ред.*) отлично понимал, что для смиренной души русского простолюдина, измученного трудом и горем, а главное, всегдашней несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть перед ним и поклониться ему: «Если у меня грех, неправда и искушение, то все равно есть на Земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот знает правду; значит, не умирает она на Земле, а стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано».

«Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов *всесветным единением во имя Христово*. Вот наш русский социализм! Вот над присутствием в народе русском этой высшей единительно-«церковной» идеи вы и смеетесь, господа европейцы наши».

«Деток любите особенно, ибо они безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам».

«Вся глубокая ошибка наших интеллигентных людей в том, что они не признают в русском народе церковь. Но кто не понимает в народе нашем православия, тот никогда не поймет и самого народа нашего. Никогда и народ не примет такого русского Европейца за своего человека: «полнуби сперва святыню мою, почти то, что я чту, и тогда ты точно таков, как я, мой брат».

«Кто не понимает Православия, тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того, тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть».

«Истинное христианство должно соединить все народы одной верой, а главное в том, что оно должно соединить и примирить все человеческие дела в одно всемирное общее дело, без него же и общая вселенская вера была бы только отвлеченной формулой и мертвым догматом».

«Мы предугадываем, что... русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, какие развивает Европа».

«Нигде на Западе и даже в целом мире не найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека... Тем не менее хозяин земли русской — есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус — это все одно), и так будет всегда».

«Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то спасли его в века мучений».

«Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви».

«Материализмом я называю в данном случае преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь все, заключает в себе вселенную силу, а что говорили ему и чему учили доселе отцы — все вздор».

«Русский человек с самого начала и никогда не мог и представить себя без земли... Уж когда свободы без земли не захотел принять, значит, земля у него прежде всего, в основании всего, земля — все, а уж из земли и все остальное, то есть свобода и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь, — одним словом, все, что есть драгоценного. Дети должны родиться на земле, а не на мостовой. Можно потом жить на мостовой, но родиться и всходить нация в огромном большинстве своем должна на земле, на которой хлеб и деревья растут».

«Паши, сей и мели зерно, это святая работа, и в ней одной уже — оправдание жизни твоей. А ежели ты можешь иное, делай то же, но не гордись, не возвышай себя над пахарем. Засевай ниву душ человеческих, созидай и твори, и знай, что ты мелешь зерно. Созидай труд рук твоих с усилием разума, и, если слишком легок твой труд, усилься и делай больше, ибо несть веры тому, кто лукавит в работе своей».

«Являются перед нами два народные типа, в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом. Это прежде всего забвение всякой мерки во всем (и, заметьте, всегда почти временное и преходящее, являющееся как бы каким-то наваждением). Это потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и — в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее как ошалелому вниз головой. Эта потребность отрицания в человеке, иногда самом не отрицающем и благоговеющем, отрицание всего, самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни во всей своей полноте... Любовь ли, вино ли, разгул самолюбия, зависть — тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отречься от всего, от семьи, обычая, Бога. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения.

То есть то бывает всегда на счету как бы мелкого малодушия; тогда как в восстановление свое русский человек уходит с самым серьезным и глубоким усилием, а на отрицательное прежнее движение свое смотрит с презрением к самому себе».

«В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода — лишь в одолении себя и воли своей, так чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтобы всегда во всякий момент быть себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству вашему».

«Я думаю, самая главная, самая коренная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем».

«Русский человек, равно как и весь народ, спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда идти больше некуда».

«Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...»

«Но главное и самое спасительное обновление русского общества выпадает, бесспорно, на долю русской женщины».

Цит. из сочинений